

М.И. Якушев

«Новая реляция» Грело, или «Латинский Айюб» в Айя-Софийской мечети в 1672 г.

Аннотация

В статье рассказывается о том, как османские власти, обратившие Свято-Софийскую базилику в мечеть Айя-София в 1453 г., наложили строгий запрет на ее посещение «нечестивыми» — христианами и иудеями. Попасть в эту главную султанскую мечеть немусульманину в XVII в. было не менее проблематично, чем попасть «неверному» в одну из трех исламских святынь — Мекку, Медину или иерусалимскую аль-Аксу. Франция стала первой европейской страной, установившей дипломатические отношения с Высокой Блистательной Портой. Но несмотря на добрые отношения между двумя монархами — османским султаном Мехмедом IV и королем французов Людовиком XIV — посланные «Наихристианнейшим монархом» Европы на Восток так и не решились выполнить пожелание короля и посетить Софийскую мечеть.

На эту рискованную авантюру отважился на свой страх и риск странствующий французский живописец Гийом-Жозеф Грело, сумевший за взятку служителям мечети проникнуть летом 1672 г. внутрь Айя-Софии и скрытно зарисовать интерьеры, а затем и внешний вид с разных сторон, сопроводив это подробным описанием иллюстраций, Константинополя, его многоконфессиональных жителей, их обычаев и нравов второй половины XII в. Грело издал в Париже в 1680 г. свою знаменитую книгу «Новая реляция об одном путешествии в Константинополь», которая была преподнесена автором Людовику XIV в качестве дара и которая была удостоена особой королевской привилегии. О том, что пережил рисовальщик Грело, чтобы попасть в мечеть и осуществлять в течение трех дней свои зарисовки, и повествуется в настоящей статье. Он был первым, кто нарисовал и опубликовал рисунки Софии Константинопольской. Иллюстрированная книга Грело была переведена на другие европейские языки, а его рисунки Святой Софии оставались неза-

менимыми до середины XIX в., когда Гаспар Фоссати завершил реставрацию Софийской мечети в правление султана Абдул-Меджида.

По старому османскому поверью, в ходе первой осады арабами-мусульманами столицы Восточной Римской империи (674–678 гг.) сподвижнику пророка Мухаммада Абу Айюбу аль-Ансари удалось попасть в Софийскую базилику и совершить в ней намаз. В 1672 г. католику Грело удалось попасть в «Святая святых» османского султана и сделать серию рисунков, которых до него не удавалось сделать никому в мире. Эта легенда и натолкнула автора на мысль назвать Гийома Грело «латинским Айюбом».

Ключевые слова

Свято-Софийская базилика, мечеть Айя-София, султан Мехмед IV, король Людовик XIV, Гийом Грело, художник

Для цитирования

Якушев М.И. «Новая реляция» Грело, или «Латинский Айюб» в Айя-Софийской мечети в 1672 г. // Исторический вестник. 2025. Т. LII. С. 192–217. <https://doi.org/10.35549/HR.2025.2025.52.005>

Mikhail I. Yakushev

«New Relation» by Grelo, or «Latin Ayyub» in Hagia Sophia mosque in 1672

Abstract

The article describes how the Ottoman authorities, who converted the St. Sophia Basilica into the Hagia Sophia Mosque in 1453, imposed a strict ban on its visits by «wicked» Christians and Jews. It was no less problematic for a non-Muslim to get into this main sultan's mosque in the 17th century than for an «infidel» to get into one of the three Islamic shrines — Mecca, Medina or Jerusalem's al-Aqsa. France became the first European country to establish diplomatic relations with a Highly Resplendent Port. But despite the good relations between the two monarchs — the Ottoman Sultan Mehmed IV and King Louis XIV of France — those sent by the «Most Christian Monarch» of Europe to the East did not dare to fulfill the

King's wish and visit the Sofia Mosque. The itinerant French painter Guillaume Joseph Grelo ventured on this risky adventure at his own risk. He managed to get inside Hagia Sophia in the summer of 1672 and secretly sketch the interiors and then the exterior from different sides, accompanied by a detailed description of the illustrations of Constantinople, its multi-religious inhabitants, their customs and traditions reflecting the mores of the second half of the 12th century. Grelo published in Paris in 1680. his famous book «A New Relation about a journey to Constantinople», which was presented by the author to Louis XIV as a gift and which was awarded a special royal privilege. What the draughtsman Grelo went through to get into the mosque and carry out his sketches for three days is described in this article. He was the first to draw and publish drawings of Sophia of Constantinople. Grelo's illustrated book was translated into other European languages, and his drawings of St. Sophia remained indispensable until the middle of the 19th century, when Gaspard Fossati completed the restoration of Hagia Sophia Mosque during the reign of Sultan Abdul-Majid. According to the old Ottoman belief, during the first siege by Muslim Arabs of the capital of the Eastern Roman Empire (674-678), the companion of the Prophet Muhammad Abu Ayyub al-Ansari managed to get into the St. Sophia Basilica and perform prayer in it. In 1672, the Catholic Grelo managed to get into the «Holy of Holies» of the Ottoman Sultan and make a series of drawings that no one else in the world had managed to make before him. This legend prompted the author to call Guillaume Grelo «Latin Ayyub».

Keywords

Hagia Sophia Basilica, Hagia Sophia Mosque, Sultan Mehmed IV, King Louis XIV, Guillaume Grelo, Artist

For citation

Yakushev Mikhail I. «New Relation» by Grelo, or «Latin Ayyub» in Hagia Sophia Mosque in 1672 // The Historical Reporter. 2025. Vol. 52. P. 192–217. <https://doi.org/10.35549/HR.2025.2025.52.005>

возникновение на территории бывшей Римейской империи Османского государства и превращение османского султана в Кайсар-и Рум («цезаря римлян» или «римского цезаря») серьезно обеспокоили Папский престол и европейские королевские дворы, так и не направившие в 1453 г. свои войска на спасение византийского императора. Желание отбить у турок-осма-

нов захваченные у византийцев земли было известно Высокой Порте, поэтому в Стамбуле рассматривали католический Запад как главную угрозу османской государственности.

Усиление военно-политической мощи Османской империи в начале XVI в. привело к тому, что ни одно из европейских государств в одиночку не решалось бросить вызов османской армии. Это обстоятельство вынуждало европейские дворы искать пути установления политических и экономических связей с султанским двором. Первым королевством, попытавшимся наладить добрые дипломатические отношения с Высокой Блистательной Портой, стала Франция. Если не считать двух герольдов, посланных Людовиком XII в Стамбул в 1500 г., то первые отношения между Францией и Портой завязались сразу после битвы при Павии (24 февраля 1525 г.) и пленения короля Франциска I. Маргарита Савойская, ставшая регентшей королевства, немедленно направила в османскую столицу французского посла (имя которого остается неизвестным) со свитой из двенадцати человек с драгоценными подарками, в том числе бриллиантом для султана, а также денежной суммой в размере 12 тыс. дукатов. Однако всё посольство было перебито боснийским пашой¹. Инцидент вскоре был улажен, новый посол добился от Порты сатисфакции за убийство французского посла со свитой, паша приехал в Стамбул извиняться перед послом и передал садразаму Ибрахим-паше «трофейный» алмаз, который был преподнесен в качестве подарка падишаху. Король Франциск I² получил от Сулеймана I Кануни (Законодателя) в 1535 г. значительные экономические привилегии, зафиксированные в торговом договоре в виде бессрочных капитуляций, позволивших в дальнейшем Людовику XIV, первому из европейских монархов, иметь своего постоянного посланника в Стамбуле и торговать со значительной коммерческой выгодой на территории всей Османской империи.

Результатом такой политики стало франко-османское сближение, позволившее находившемуся на службе короля Франциска I французскому натуралисту Пьеру Жилью³ посетить в 1544 г. Константинополь с высочайшего соизволения султана Сулеймана I и свыше трех лет за-

¹ Hammer J. de. Mémoires sur les premières relations diplomatiques entre la France et la Porte // Journal Asiatique. 1827. X. P. 19–54.

² Франциск I Французский — король французов (1515–1547 гг.) из династии Валуа.

³ Пьер Жиль (фр. Pierre Gilles; 1490, Альби — 5 января 1555, Рим) — французский натуралист, топограф, антиквар и переводчик. Первый ученый, исследовавший византийские развалины и собиравший древние рукописи, проживая в Константинополе с 1544 по 1547 г.

Людовик XIV. Худ. Шарль Лебрен

ниматься там поисками рукописей и следов исчезнувшей Византии для библиотеки короля французов. Смешавшись с толпой, П. Жилью удалось проникнуть в Айя-Софию и оставить подробное описание на латинском языке внешнего и внутреннего убранства мечети. Правда, про наличие иконописных изображений в соборе он сообщает крайне скупое: «Внутренняя архитектура Церкви осталась прежней, как и первоначальное убранство. Но в здании действительно есть некоторые повреждения, учиненные теми, кто выступал против установки образов в Церкви»⁴. Описывая алтарную апсиду, которую он называет по-латински «Sanctum Sanctorum» («Святая Святых»), П. Жиль пишет, что «когда-то это было священным и неоскверненным местом, куда допускались исключительно священники и где уже нет ни бриллиантов, ни драгоценных камней, когда-то его украшавших, которые были разграблены его врагами-святотатцами»⁵. Французский ученый имеет в виду «неподржаемый и драгоценный престол» Святой Софии, дар церкви от императора Юстиниана, где хранились «несметные дары от василевсов, пап, принцев и представительниц императорского дома (среди которых

⁴ Gille Piere (Petrus Gyllius). The Antiquities of Constantinople. London, 1729. P. 94.

⁵ Ibid.

была и Пульхерия, дочь императора Аркадия⁶, и сестра Феодосия⁷)⁸. Этот престол был полностью разорен, разграблен и вывезен венецианцами в ходе Четвертого крестового похода.

Ссылаясь на сочинение авторитетного церковного историка Эрмия Созомена⁹, П. Жиль пишет, что этот престол был «очень красивым и потрясающим украшением церкви, в пользу которой поступали щедрые пожертвования, которыми теперь владеют магометанские служители культа»¹⁰. Так, перепрыгнув через несколько столетий, французский византинист переводит стрелку на нынешних служащих мечети, возлагая на них вину за убогое состояние Софии Константинопольской. Для вящей убедительности П. Жиль добавляет, что эти «магометане» заведуют одной тысячей ста магазинами и общественными заведениями, баснословные доходы от которых поступают в виде ренты или арендной платы в пользу Айя-Софии, не подпадая ни под какие-либо вычеты и налогообложения¹¹. Примечательно, что П. Жиль, напоминая про царские дары от семьи византийских императоров V в. и других христиан, предпочел не упоминать о варварском разграблении Великой церкви крестоносцами в 1204 г., переложив вину за разорение, осквернение и захват Свято-Софийской базилики у православных не на крестоносцев-латинян, а исключительно на турок-мусульман.

Несмотря на благосклонное отношение Сулеймана I к изысканиям французского ученого, появление человека в европейской одежде с пером и бумагой у Софийской мечети было делом невиданным и неслыханным в ту пору и было сопряжено с большим риском для жизни. П. Жиль в своей знаменитой книге «Древности Константинополя» сообщает об опасностях, подстерегающих европейских ученых, пытающихся документировать и зарисовывать любых древние памят-

⁶ Благоверная царица Пульхерия, дочь греческого императора Аркадия (395–408), была соправительницей и наставницей своего младшего брата Феодосия Младшего (408–450).

⁷ Флавий Феодосий II (10 апреля 401–28 июля 450), также известный как Феодосий Младший или Феодосий Каллиграф — император Восточной Римской империи на протяжении 48 лет.

⁸ Gille. The Antiquities of Constantinople. P. 95.

⁹ Эрмий Созомен (V в.) — византийский адвокат, раннехристианский писатель-историк, автор «Церковной истории».

¹⁰ Gille. The Antiquities of Constantinople. P. 95.

¹¹ Ibid.

ники в городе¹². Желание же европейских монархов, паломников, путешественников и ученых увидеть, что случилось со знаменитой базиликой, только усиливалось.

Первое художественное изображение Софийской мечети принадлежит европейскому художнику и граверу Мельхиору Лорку¹³, жившему в Константинополе в середине XVI в. Он рисовал памятники города, местных жителей и их национальные костюмы, а также сцены из городской и военной жизни Османской империи. В 1559 г. султан Сулейман I разрешил ему подготовить панорамный рисунок столицы, видимой с мест, расположенных вдоль северного берега Золотого Рога. На листе VI панорамы изображена северо-западная сторона «Великой церкви Премудрости Божией», находящаяся на расстоянии нескольких километров от Галатской башни, с которой и писалась панорама¹⁴. Впервые в османский период истории города появилось довольно подробное изображение Святой Софии, плотно окруженной городскими постройками. Софийская мечеть возвышается на самом высоком холме столицы, представляя собой центральное и самое величественное сооружение Стамбула¹⁵. На рисунке хорошо различим первый деревянный минарет Мехмеда Фатиха, который будет впоследствии демонтирован и заменен на каменный, установленный уже на юго-восточной стороне мечети¹⁶.

В этот период наивысшего расцвета империи османов, выпавший на правление падишахов первой половины XVII в. и Мехмеда IV¹⁷, остальные европейские монархи стремились не отставать от Парижа и по примеру короля французов Людовика XIV¹⁸ как «законодателя моды Европы» добиваться установления привилегированных отношений с османским

¹² Wilson B. The Itinerant Artist and the Islamic Urban Prospect: Guillaume-Joseph Grélot's Self-portraits in Ambrosio Bembo's «Travel Journal» *Artibus et Historiae*. Vol. 38. No. 76. Studies in Renaissance Art and Culture in Honour of Debra Pincus (2017). P. 157–180. Published by: IRSA.

¹³ Мельхиор Лорк или Лорих (Melchoir Lorch [Lorick]) (Фленсбург, 1526–1527–1583, Копенгаген) — датский гравер и художник.

¹⁴ См. рисунок.

¹⁵ Westbrook Nigel; Rainsbury Dark Kenneth; Van Meeuwen Rene. Constructing Melchior Lorichs's Panorama of Constantinople // 69, no 1 (March 2010). University of California Press. P. 62–87.

¹⁶ Ibid. P. 62–87.

¹⁷ Мехмед (Мухаммад) IV Авджи (Охотник) (1642–1693, 1648–1687 гг.) — 19-й османский султан.

¹⁸ Людовик XIV де Бурбон (он же Людовик Великий, «король-солнце») — король Франции и Наварры (1643–1715 гг.).

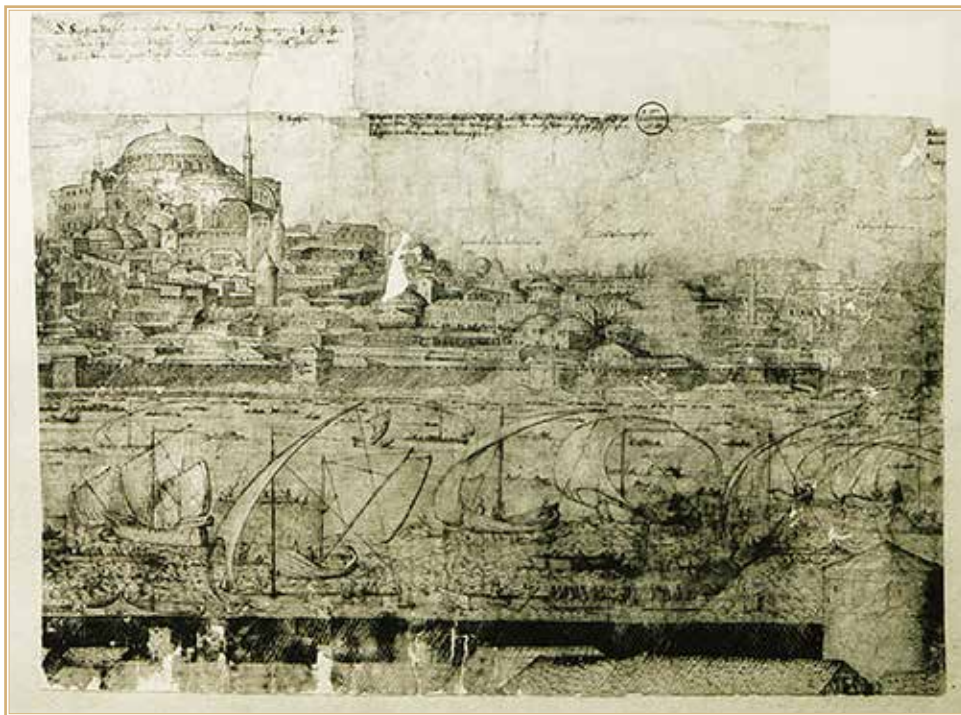

Рисунок Мельхиора Лорка с изображением Святой Софии
с северо-западной стороны. Фрагмент панорамы Константинополя,
выполненной художником с Галатской башни. 1559 г.

императорским двором. Когда в 1670 г. первый министр Франции Жан-Батист Кольбер основал Левантийскую компанию, заморские путешествия и коллекционирование восточных богатств стали постоянной заботой французского королевского двора. В результате в Париж заметно увеличился приток работ и публикаций о Востоке — Османской империи, Персии и Индии. На Восток устремлялись люди самых разных профессий. Они обогащали своими знаниями и опытом в области религии, точных и гуманитарных наук классическую дипломатию, торговое дело, коллекционирование древностей, редких экспонатов и диковинок и, наконец, снабжали официальный Париж важными секретными данными. Практически все художники, посылаемые на Восток, выполняя чертежи и рисунки, предоставляли двору деликатную информацию, не всегда даже подозревая об этом. В глазах же местных восточных жителей-мусульман они выглядели потенциальными врагами.

Людовик XIV продолжал укреплять официальные и неофициальные контакты с османским султаном, регулярно принимая его послов в Париже и в своем новом дворце в Версале. Особые отношения у него сложились с падишахом Мехмедом IV. Благодаря содействию

османских властей посланцы французского короля, такие как Жан Шарден, Жан-Батист Тавернье¹⁹ и многие другие, свободно пересекали всю Азию через Османскую империю и Персию до самой Индии²⁰. Если Ж. Шарден был одновременно англо-французским агентом и торговцем драгоценностями²¹, который заключал сделки в Персии с шахом, то Ж.-Б. Тавернье стал пионером торговых отношений с Индией, прибрав к рукам европейскую торговлю бриллиантами с этой страной.

Именно он, прожив в Константинополе одиннадцать месяцев, стал первым европейским путешественником, подробно описавшим в своей книге устройство султанского дворца «Великого сеньора»²². Этот внушительный труд под названием «Новая реляция»²³ о внутреннем устройстве Сераля²⁴ Великого сеньора»²⁵ был преподнесен автором в дар Людовику XIV в 1675 г. В посвящении книги королю Ж.-Б. Тавернье не без гордости пишет: «Разные авторы писали на одну и ту же тему; но я могу сказать, что публике еще не было дано более точного и более правдивого описания Сераля»²⁶ — дворца Топкапы. Именно глубинные знания

¹⁹ Жан-Батист Тавернье (Jean-Baptiste Tavernier) (1605–1689) — уроженец Парижа, богатейший французский путешественник и негоциант. Был представлен Людовику XIV, который пожаловал ему дворянский титул барона. По торговым делам совершал путешествия в Индию, Османскую империю, Персию и другие страны Ближнего и Дальнего Востока, преодолев на своем пути более 240 тыс. км. Скончался на 84-м году жизни в Москве по дороге в Персию.

²⁰ Тавернье опубликовал свои мемуары. Его книга «Шесть путешествий» стала бестселлером и еще при его жизни была переведена на немецкий, датский, итальянский и английский языки.

²¹ Wilson. The Itinerant Artist and the Islamic Urban Prospect: Guillaume-Joseph Grélot's Self-portraits in Ambrosio Bembo's «Travel Journal». P. 157–180.

²² «Великий сеньор» или «Великий повелитель» (фр. *Le Grand Seigneur*; англ. *Grand Seignior*) — так европейские дипломаты и писатели почтительно именовали в своих депешах и реляциях османского падишаха.

²³ Реляция (лат. *relatio*, фр. *relation*) — описание, донесение, сообщение, рапорт. В дипломатии латинское слово «реляция» означало также письменный доклад («отношение») чиновника вышестоящему начальству.

²⁴ Сераль (ит. *Serraglio*; фр. *Serrail*, *Sérail*; англ. *Seraglio* — от тур. и перс. *Saray*) — европейское название султанского дворца с внутренними покоями (гаремом) падишаха.

²⁵ Tavernier. Nouvelle Relation de l'Intérieur du Serrail du Grand Seigneur. Paris. 1675; A New Relation of The Inner-Part of The Grand Seignor's Seraglio. 1st English Edition, London: R. L. and Moses Pitt, 1677.

²⁶ 'Divers Auteurs ont écrit sur la même sujet; mais je puis dire qu'on n'a point encore donné au Public une description plus exacte ni plus véritable du Serrail' (Tavernier. Nouvelle Relation. P. 1).

Портрет султана Мехмеда IV. Худ. Джон Янг

внутреннего устройства Сераля и его обитателей позволяли «королю-солнцу» проводить тонкую политику с Высокой Блистательной Портой и ее влиятельнейшими сановниками. В 1677 г. книга Ж.-Б. Тавернье была переведена на английский и немецкий языки, получив широкую известность в Европе.

Встреча в Константинополе француза Гийома-Жозефа Грело²⁷ с двумя вышеназванными придворными коммерсантами, которых Людовик XIV направил путешествовать по Востоку (Османской империи, Персии и Индии), сыграла важную роль в дальнейшей жизни Г.-Ж. Гре-

²⁷ Гийом-Жозеф Грело (ок. 1630 –?) — французский путешественник, странствующий рисовальщик, занимавшийся также и врачебной практикой. В 1671 г. он отправился в Персию в сопровождении французского торговца Ж. Шардена, и это путешествие длилось несколько лет. Во время своего пребывания в Стамбуле описал множество достопримечательностей, в основном византийских памятников, церквей и мечетей, за что признан некоторыми европейскими исследователями продолжателем дела ученого-византиниста Пьера Жиля. Г.-Ж. Грело был первым, кто изобразил и подробно описал Свято-Софийский собор в своем знаменитом сочинении «Новая реляция об одном путешествии в Константинополь». Его иллюстрированная книга была переведена на другие европейские языки, а сделанные рисунки оставались незаменимыми до середины XIX в., когда Гаспар Фоссати завершил реставрацию Софийской мечети в правление султана Абдул-Меджида.

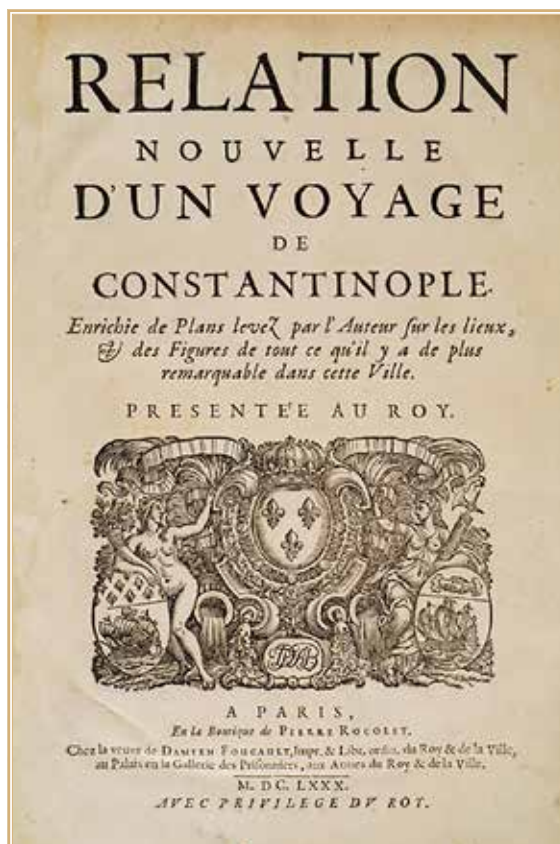
ло. Если одного из них рисовальщик называет Ж.-Б. Тавернье, то имя второго он предпочел скрыть от читателя²⁸.

Г.-Ж. Грело узнал, что в своем напутствии этим двум путешественникам перед их отправлением на Восток, помимо традиционных пожеланий привезти оттуда различные планы, чертежи и описания курьезных вещей, достойных его высочайшего внимания, Людовик XIV попросил их попытаться посетить Святую Софию и сделать рисунки ее внутреннего убранства и внешнего вида, если это не будет сопряжено с опасностью для жизни. Несмотря на протекцию короля, никому из них так и не удалось исполнить его желание.

Тогда Г.-Ж. Грело пришла мысль попытаться исполнить мечту короля на свой страх и риск. В результате ему удалось стать первым в истории Софийской мечети путешественником и рисовальщиком, сумевшим не только попасть в нее, но и зарисовать и описать ее внешний вид и внутреннее убранство.

Будучи небогатым, но одаренным человеком, он был вынужден продавать свой талант живописца, выполняя заказы состоятельных людей, сопровождая их в путешествиях по Востоку и делая рисунки достопримечательностей. Вернувшись из странствий по Османской империи (Ливану, Сирии) и Персии в 1677 г., он издает результаты своего пребывания в Константинополе. Чтобы привлечь к своему труду внимание королевского двора, Г.-Ж. Грело применяет хитрый ход, заимствуя два первых слова из названия книги Ж.-Б. Тавернье, издавшего в 1675 г. «Новую реляцию о внутреннем устройстве Сераля Великого сеньора». У Г.-Ж. Грело заголовок звучит как «Новая реляция об одном путешествии в Константинополь», как бы давая понять читателю, что она близка по содержанию к работе Ж.-Б. Тавернье. При этом, чтобы добавить особой интриги, автор выносит в заглавие своего труда важное пояснение, что его реляция «Дополнена планами, составленными автором на месте событий и рисунками всего того, что найдено наиболее замечательным в этом городе». Книга была подготовлена к изданию в 1677 г. после того, как ее рукопись была представлена Людовику XIV, одоббившему ее и даровавшему ее автору (как он сделал и в отношении книги Ж.-Б. Тавернье двумя годами ранее) особую королевскую привилегию сроком на двадцать лет. После

²⁸ О том, почему он это сделал, можно будет узнать из следующей статьи, посвященной описанию Гийомом-Жозефом Грело внутреннего убранства Софийской мечети.

Титульный лист книги Гийома Грело «Новая реляция об одном путешествии в Константинополь», изданной в Париже в 1680 г.

улаживания всех финансовых и технических проблем «Новая реляция» увидела свет в 1680 г.

В книге о путешествии в Константинополь Г.-Ж. Грело описывает османскую столицу, ее многоконфессиональное народонаселение, его вероисповедания, традиции, нравы, костюмы, древние памятники времен византийской эпохи, церкви, мечети. Но особое место в его реляции занимает то, что так интересовало «Наихристианнейшего короля» — Свято-Софийский собор. Художник подробно рассказывает о тех препятствиях, которые поджидают немусульманина, вознамерившегося проникнуть в Софийскую мечеть, но желание короля — закон, а значит, его нужно исполнять во что бы то ни стало. Упорство Г.-Ж. Грело не знает предела — и вот он уже в Софийской мечети. В качестве кульминационного момента художник приводит детальное описание сцены, когда он был обнаружен служителем мечети, приближавшимся к нему. Рисовальщику на какой-то момент показалось, что жизнь его висит на волоске и что он вот-вот может расстаться с жиз-

нюю или со своей крайней мужской плотью. Этим волнующим эпизодом автор книги как бы посылал однозначный сигнал королю о том, кто на самом деле являлся его истинным и преданным верноподданным, а кто считался таковым в силу своего положения. Тут Г.-Ж. Грело явно имеет в виду тех двух коммерсантов, которые так и не отважились выполнить поручение напутствовавшего их Великого сеньора. Художник нарочито делает упор именно на этом моменте. Испытывавший нужду в деньгах Г.-Ж. Грело (заметим, как он нелегко расставался с деньгами, коррумпируя слугителя мечети) не скрывает своей неприязни к богачу Ж.-Б. Тавернье, изливая ее даже в строках своего посвящения Людовику XIV.

В обращении к королю в «Новой реляции» он пишет: «Казалось бы, путешественнику, возвращающемуся с Востока, не подобает преподнести Вашему Величеству ничего, кроме жемчуга и бриллиантов. Да и сам я не был бы столь самонадеян, дабы просто поднести к Вашим стопам несколько своих рисунков, сделанных во время заморских путешествий, если бы не то внимание, которым Вы не раз удостаивали их, что придало мне сегодня решимости публично возложить их на алтарь Вашего великодушия. Сир, я отдаю себе отчет в том, что такой скромный подарок, как этот, совершенно недостоин столь Великого Монарха, для которого даже принятие Персии и Индии под свой скипетр не выглядело бы чем-то значительным»²⁹.

Отдавая должное «Новой реляции» Ж.-Б. Тавернье, Гийом-Жозеф Грело в своей «Новой реляции» умышленно не стал описывать султанский дворец с гаремом (тур. *хaremлик*, араб. *харим*), отослав читателей к сочинению Ж.-Б. Тавернье. Однако тем любопытным читателям, которые вознамерились бы в будущем тайно пробраться в султанский гарем дворца Топкапы, Г.-Ж. Грело настоятельно не рекомендовал рисковать жизнью.

В 1670 г. французский филолог, медиевист и византист Шарль Дюканж³⁰ в комментариях к изданию поэмы Силенциария был первым, кто предпринял в своей работе серьезную попытку объяснить внутреннее устройство Святой Софии, однако он не подкрепил ее визуальными

²⁹ *Grelot Guillaume-Joseph. Relation Nouvelle d'un Voyage de Constantinople. Enrichie de Plans levez par l'Auteur sur les lieux et des Figures de tout ce qu'il y a de plus remarquable dans cette Ville. Presentée au Roy par Guillaume Grelo. Paris. 1680.*

³⁰ *Шарль Дюканж (Charles du Fresne, sieur du Cange) — французский филолог, медиевист и византист. Автор изданной в 1680 г. Historia Byzantina duplici commentario (на лат.).*

рисунком, ни схемой, ни ихнографией (архитектурным планом). Работа базировалась в основном на сведениях, почерпнутых Ш. Дюканжем из книги П. Жия, в которой также не было схемы интерьера мечети. Перед публикацией своего второго, уже исправленного издания «Истории Византии» Ш. Дюканжу удалось раздобыть план Святой Софии, который он включил в свое новое дополненное издание, увидевшее свет в один год с выходом «Новой реляции» Г.-Ж. Грело.

Небольшие расхождения в планах Ш. Дюканжа и Г.-Ж. Грело, опубликованных в одном и том же году, свидетельствуют с большой долей вероятности о их независимом друг от друга происхождении³¹. Но поскольку автор плана и источник его появления у Ш. Дюканжа (в отличие от плана-ихнографии Г.-Ж. Грело, собственноручно делавшего зарисовки и производившего замеры здания) остается неизвестен, то первоначально введенным в научный оборот следует считать ихнографию Г.-Ж. Грело.

В отличие от всех предыдущих изданий, посвященных Константинополю, в «Новой реляции» Г.-Ж. Грело содержались собственноручно выполненные рисунки Константинополя и Святой Софии, которые до него никто исполнить не смог в силу известных запретов исламского права, *шариата*, в отношении немусульман.

Поселившись летом 1672 г. в Галате, пригороде Константинополя, французский путешественник постоянно размышлял над планом проникновения в Софийскую мечеть. Вскоре он стал совершенно неотличим от местных жителей османской столицы. Г.-Ж. Грело пишет: «Хотя я и покрывал голову красной чалмой (тогда как мусульмане носили чалму белого или зеленого цвета)³², добрую службу мне сослужили борода и длинное платье. В таком облачении я довольно легко проходил в Святую Софию, не привлекая внимания турок, взгляды которых во время молитвы в мечетях были всегда устремлены вниз, когда мне случалось проходить мимо них; и в тот момент им было безразлично, какой на мне был тюрбан — христианский или мусульманский»³³.

Г.-Ж. Грело подробно описал свой замысел проникновения в Святую Софию, не имея на то никакого официального разрешения от османских властей. В «Новой реляции» он описывает перипетии,

³¹ *Lethaby & Swainson. The church of Sancta Sophia, Constantinople: A Study of Byzantine Building.* P. 66.

³² Османских подданных-христиан можно было определить по красному цвету чалмы.

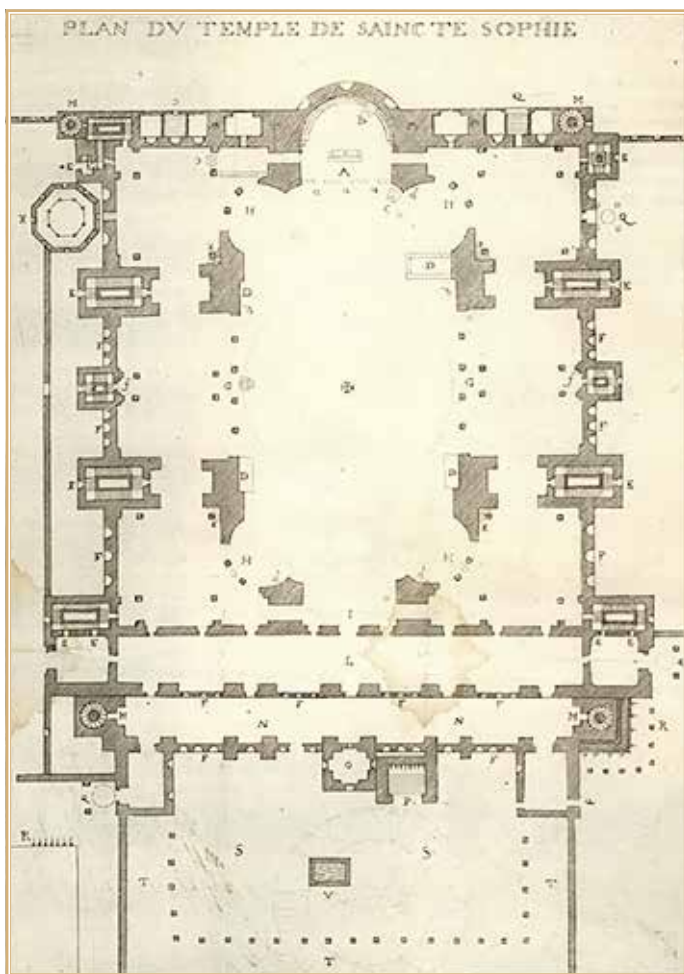
³³ *Grelo. Relation Nouvelle.* P. 134–135, 156.

с которыми пришлось столкнуться прежде, чем попасть в «святая святых» ислама.

Авантюрный план Г.-Ж. Грело, захватывающее повествование с изложением деталей его осуществления, заслуживает того, чтобы привести его здесь практически полностью. Он пишет: «Страсть лицезреть и обладать тем, что запало в душу, оборачивается для нас порой разными бедами и напастями. Мы зачастую жертвуем ради этого всем тем, что должно быть для нас самым дорогим. В Константинополе мне повстречались два человека, получившие от Его Христианнейшего Величества (Людовика XIV. — М.Я.) повеление отправиться в путешествие по всему Востоку, чтобы привезти ему оттуда планы, рисунки и верноподданические реляции обо всем, что они обнаружат там из всего того, что заслуживает его высочайшего внимания. Прочитав опубликованные ими “Реляции... (Relations...)” с наблюдениями, которые им было приказано фиксировать во время путешествий, я узнал, между прочим, о высочайшем поручении нарисовать план Святой Софии, ее внешний вид и внутреннее убранство, если это не будет связано с большим риском для жизни. Теперь я точно знаю, что ни один из этих двух путешественников (одним из которых был Ж.-Б. Тавернье. — М.Я.) не рискнул подвергнуть себя опасности, чтобы проникнуть в Святую Софию и составить там ее план. Видя, как они покинули Константинополь, не выполнив этого высочайшего поручения, я испытал радость и гордость за то, что, к удовольствию моего Принца (короля французов. — М.Я.), оказался смелее тех, кто находился на королевской службе и был удостоен чести получать от него высочайшие приказания. От нас требуется идти на любые риски, если того пожелает этот Великий Монарх, если мы действительно желаем ему осуществления всего им задуманного»³⁴.

«Предвидя опасность, грозящую любому, кто мог бы отважиться рисковать Святую Софию и производить ее замеры, и, осознавая, что длинный халат и борода, соответствовавшие статусу врача, коим я, собственно, и обладал в этой стране, ничуть не помогут благоприятному исходу задуманного предприятия, я решил прибегнуть к хитрости. Меня свели с одним греком-ювелиром, который при каждом удобном случае старался всем угодить. Будучи в отпуске, он не столько отдыхал, сколько оказывал услуги своим приятелям, выказывая при этом чрезмерную услужливость. Грек жил неподалеку от церкви Святой Софии и, следовательно, должен был хорошо знать служителей этого храма, так как все они жили довольно

³⁴ Ibid. P. 134.

План Святой Софии, выполненный Гийомом Грело (1672 г.)
и опубликованный им в его «Новой реляции»

близко к нему. Узнав о моем замысле, ювелир сказал, что переговорит об этом с одним из своих соседей. Для этого греку потребуется подарить соседу-турку какую-нибудь драгоценность для одной из его жен, а также выпить с ним несколько чашечек³⁵ кофе. Ювелир добавил, что смог бы взяться за мое дело, хоть оно и не из легких. Правда, по его словам, ему удавалось успешно решать дела, едва ли менее опасные, чем это. За эту готовность оказать мне услугу в этом деле мне пришлось преподнести ему небольшой подарок. Я оставил ему на выпивку венецианский цехин³⁶, ко-

³⁵ Грело употребляет в повествовании арабское и турецкое слово *финджан*, снабжая его французским эквивалентом — *une tasse*.

³⁶ Цехин — итальянская золотая монета.

торый стоил около семи ливров³⁷ и десяти су³⁸, и пообещал заплатить ему еще больше, если с его помощью смогу войти в Святую Софию, зарисовать и измерить там все, что захочу³⁹.

В назначенный день этот грек пришел ко мне в Галату, где я жил, и отвез меня в Константинополь, к человеку, проживавшему неподалеку от его дома. Что же касается доверия к этому человеку, то его было бы гораздо больше, если бы он выпивал столько же вина, сколько наливал лампадного масла. Это был *мухтар агасы*, или *кандилафтджи*⁴⁰ Святой Софии, то есть старший из тех исламских служителей, кои присматривали за масляными светильниками, освещавшими мечеть. Контора этой мечети, мухтариат, была отнюдь не маленькой. Когда имеешь дело с более чем двумя тысячами зажженных светильников, в особенности во время ночных бдений месяца Рамадан, поддерживая их в исправности, то у кандилафтджи руки должны быть чище, чем у обычного мусульманина, который моет их регулярно. Это был добродушный человек, которого нельзя было подкупить несколькими глотками вина, ибо это был старик, в жизни не употреблявший алкоголя. Когда я подошел к нему, он мне сказал, что ювелир застал его врасплох, поведав ему о моем желании снять размеры и чертежи всего, что было в Святой Софии. Кандилафтджи наивно предположил, что, наверное, я не знал, что вход в эту мечеть был открыт только для мусульман, и ни один гяур, или неверный, не мог быть допущен туда, чтобы делать там зарисовки и замеры. Я же, со своей стороны, полагал, что, следя за лампадами и галереями этой мечети, мухтар агасы мог бы без особых проблем запускать меня наверх и выпускать из мечети, когда там не проводился молебен. Более того, я даже думал, что мог бы оставаться там целыми днями, как того страстно желал, но опасался того, что из-за меня мог пострадать мой благодетель в случае, если меня заметит кто-нибудь во время молитвы или застанут врасплох другие служащие мечети, которые, как и он, также имели ключи от этих галерей⁴¹.

По ответу собеседника было нетрудно понять, что к нему нужно было подобрать какой-то другой, особенный ключик, дабы он открыл

³⁷ Ливр — серебряная французская монета, бывшая в обращении до 1795 г. Ливр делился на су и *денье*: 1 ливр = 20 су, 1 су = 12 денье.

³⁸ Су — мелкая разменная монета во Франции.

³⁹ *Grelo. Relation Nouvelle*. P. 134–135.

⁴⁰ Кандилафтджи (тур.), кандилафт (араб.) — служащий мечети или церкви, отвечавший за зажигание и заправку светильников во вверенном ему помещении.

⁴¹ *Grelo. Relation Nouvelle*. P. 135–136.

мне галереи Святой Софии. Очень кстати пришлось довольно-таки красивые часы, купленные мною по случаю за три венецианских цехина, хотя оценивались они дороже шести. Я специально взял их с собой с намерением подарить их ему, если он удовлетворит мою просьбу. Итак, я вынул эти часы, как это делает человек, который хочет посмотреть, который час, и открыл их прямо пред лицом собеседника. Этот мухтар агасы полюбопытствовал, можно ли было на них взглянуть. Было заметно, что часы ему приглянулись, и он спросил, не могу ли я их ему продать. Я сказал, что часы обошлись мне в десять цехинов, но раз они так ему понравились, то я бы мог отдать их ему бесплатно в качестве подарка (*джаба*), если с его помощью я мог бы заходить внутрь Святой Софии до рассвета и работать на галереях в течение трех-четырех дней в разное время и даже не выходить из нее до завершения вечерней молитвы. А поскольку я думал, что только он один обладал ключами от галерей, то ни он, ни я ничем не рисковали при условии, что мухтар агасы никого не впустит, пока я буду там работать⁴².

Проявив живой интерес к обладанию таким подарком, старик, которому явно приглянулись мои часы, немного подумав, сказал об этом: «Ах ты, шайтан неверный, просишь слишком много за свои часы!»⁴³ Однако, видя мое страстное желание добиться своего, он затем добавил, что охотно предоставил бы мне, со своей стороны, то, что я просил. Но старик был не единственным обладателем ключей от этих галерей, поэтому для полной гарантии ему требовалось переговорить об этом деле с двумя другими служителями мечети, у которых, как и у него, имелись ключи от всех дверей. Он надеялся, что и они точно так же получат от меня какой-нибудь маленький подарок, с помощью которого я смог бы получить то, о чем я просил. Кроме того, он обещал сообщить мне через ювелира о положительном решении вопроса в мою пользу⁴⁴.

Что же касается грека, то он, то ли из-за привязанности, то ли из-за банального интереса, проявлял живое участие в этом предприятии, упрасывая кандилафджи, то есть «фонарщика», или «лампадника» (если можно применить к нему эти термины) исполнить свое обещание как можно скорее. Через несколько дней грек явился ко мне, радостно сообщив, что дело мое улажено и что от меня требуется лишь приехать

⁴² *Grelo*. Relation Nouvelle. P. 136–137.

⁴³ Bré Guidi kiafer choc istersen bir sahat ichun!

⁴⁴ *Grelo*. Relation Nouvelle. P. 137–138.

на следующий день, в понедельник, в Константинополь, где во время утренней молитвы я должен буду стоять у боковой двери мечети, которая непременно откроется благодаря моим часам и дополнительным четырем цехинам, которые должны быть переданы двум другим служащим, о которых мне было сообщено. За все это я был волен измерять, рисовать и делать все, что мне заблагорассудится на галереях Святой Софии, кроме раскопок в фундаменте мечети.

Я, никогда не плативший в Константинополе меньше двадцати пяти процентов за свои переводные векселя, поскольку меня никогда не заставляли держать в них мои авуары (денежные средства. — ред.), и полагавший, что моих часов будет вполне достаточно для удовлетворения моего любопытства, с тяжелым сердцем вынул еще четыре цехина (то есть десять экю) из своего кошелька, полнота которого оставляла желать лучшего. Однако, после многочисленных встречных предложений с моей стороны, я понял, что эти любители звонкой монеты, эти аргирофилы-сребролюбцы, ни в какую не желали сбить назначенную цену, постоянно ссылаясь при этом на риски, которые мне следовало принять во внимание. В итоге мне пришлось сдаться и согласиться уже на всё, чтобы привезти из Константинополя то, что никто не мог сделать до меня. Итак, я отправился на назначенную встречу и, предвидя, что проведу за работой весь день, взял с собой необходимую провизию: круг булонской колбасы и бутылку вина с хлебом на весь день. Этого было не так уж и много для поддержания жизненных сил на один день, но более чем достаточно, чтобы лишиться жизни, если, не дай Бог, меня застанут в мечети за поеданием колбасы, изготовленной, как известно, из сала и свинины, и за распитием вина, что, по закону турок, категорически воспрещается. Мой первый день работы на хорах Святой Софии прошел спокойно, и меня никто не прерывал. Я нарисовал план и произвел все замеры, но на следующий день, когда я вернулся, чтобы вновь начать рисовать, мои дела пошли не так гладко. Сразу после полудня, когда турки завершили молебен, а я — свой перекус, сквозь колонны на другой стороне галерей в конце церкви я заметил какого-то долговязого мужчину, следовавшего в мою сторону. Он вошел на хоры через другую дверь, а не через ту, которую мне открыл мой проводник. Этот человек был явно выше ростом, чем мой знакомый старик⁴⁵.

Увидев белый тюрбан на незнакомце, я поначалу подумал, что теперь все зависело только от меня и моей реакции, если он знал обо мне или

⁴⁵ Ibid. P. 138–139.

если он знал кого-то из тех, о ком говорил со мной мухтар. А поскольку я ел и пил не так давно, когда совершался молебен, то я подумал, что кто-то наблюдал за мной снизу или откуда-то еще. В то время, когда люди склоняли головы в мечети, чтобы воскликнуть, целуя землю: “Аллаху Экбер!” (араб. Аллаху акбар!), я поднимал свою на галереях, чтобы выпить за здоровье мусульман, подливая себе еще вина и что-то напевая при этом, когда турки пели свои молитвы. Я не знал, что делать, ничего не чувствуя в тот момент, кроме полного замешательства. А так как вокруг было разбросано чересчур много бумаг и других принадлежностей, которые нужно было спрятать за стремительно летящее время, то я запаниковал и в полном смятении стал гадать, какую сторону мне занять и что сказать этому турку, неуклонно приближающемуся ко мне. Я чувствовал себя так, как будто меня застигли на месте преступления, за которое мне не будет прощения, даже если я буду посажен на кол или сожжен на костре после встречи в мечети, где я рисовал человеческие изображения, пил вино и ел свинину, что относится к трем смертным грехам в Магометанском законе (по шариату. — М.Я.). Мое смущение было безгранично, и я должен признаться, что никогда еще в жизни не испытывал подобного страха и что мысль о надвигающейся неминуемой смерти никогда не подступала ко мне так близко, как в тот день. Поэтому, предвидя, что мне придется вскоре сделать решительный шаг, дабы не оказаться между бутылкой и колбасой, которые находились при мне, я быстро спрятал их под ковриком в углу со всеми своими бумагами и, вынув четки и имевшуюся у меня книгу Пьера Жилия, быстро вернулся на свое место, приняв позу человека, завершавшего свою молитву. Я ждал, когда подойдет этот незнакомый турок, который пока еще не заметил меня, потому что я был одет по местной моде и сидел по-турецки, скрестив ноги, а он смотрел вверх на верхние ярусы галерей и купол. С каждым его шагом по направлению к верхнему вестибюлю, где я расположился, рисуя нижний ярус церкви, мой страх возрастал все сильнее и сильнее. Тем не менее, поскольку он ступал довольно медленно, я успел собраться с мыслями и найти верное решение. Это было одним из тех решений, которые мне приходилось принимать не раз после приезда из Рима в Турцию, где я мог тысячу раз лишиться жизни, а не только крайней плоти, наличие которой у ее обладателя является свидетельством его принадлежности к христианству. Поэтому я решил, что лучше всего для меня при этой встрече будет довериться своему первому инстинктивному порыву притвориться завершавшим молитву человеком, воспользовавшись для этого своими четками, чтобы больше походить на

самых набожных турок, которые всегда так делают после намаза или после коллективного молебна⁴⁶.

В левой руке я держал открытую книгу, которую едва ли хотел читать, а в правой — четки, которые я неспешно перебирал. Когда этот турок подошел ко мне, чтобы сказать: “Salam alek, bre guidi giaur ne uhlersen bonda?”, то есть “Мир тебе, бестия нечестивая, что ты здесь делаешь?”, я ответил ему, заглядывая в свою книгу и перебирая две-три бусины на четках, как это делают мусульмане: “Сударь, я завершаю молитву, пожалуйста, подождите минуточку”. После чего преклонил колени, осенил себя крестным знаменем и поднялся для разговора с ним. После “Салам алекум, Ага”, то есть “Мир Вам, сударь”, я сказал ему, что ему не следует удивляться при виде одинокого христианина на хорах Святой Софии, поскольку он наверняка знает, что этот Храм был построен христианами, которые всегда отличались большой набожностью и что, будучи одним из тех, кто испытывает огромное благоговение перед этой церковью, я с большим трудом добился разрешения прийти сюда, чтобы провести здесь несколько часов в молитве. А тот, кто провел меня сюда, вскоре должен будет прийти и отпереть дверь, дабы меня выпустить.

Серьезная мина на лице турка, оказавшегося одним из тех двух других служителей, которым мне пришлось заплатить еще по два цехина, тотчас испарилась, и он громко расхохотался, заметив на моем лице все еще сохранявшийся страх, который он нагнал на меня, и вспомнив то скоропалительное оправдание, которое я для него придумал. Он успокоил меня и сказал: “Не бойся, Адам (мужчина, человек. — М.Я.): я прекрасно знал, что ты находишься здесь”. Он изъявил желание взглянуть на мои работы, которые мне пришлось ему показать. Закончив свой обход, он вернулся туда, откуда пришел. После того, как он оставил меня в покое, я допил то, что еще оставалось в моей бутылке, чтобы оправиться от пережитого ужаса и собраться с духом, присутствие которого я почти уже не ощущал⁴⁷.

История проникновения французского католика Г.-Ж. Грело в недоступную для «нечестивых кяфиров» главную императорскую мечеть султана Мехмеда IV, чей портрет был помещен в английском издании его книги (1683 г.)⁴⁸, чем-то напоминает староосманскую легенду об

⁴⁶ Ibid. P. 140–141.

⁴⁷ Ibid. P. 141–142.

⁴⁸ *Grelet Guillaume-Joseph. A Late Voyage to Constantinople. Illustrated in 14 copperplates. Published by Command of the French King by Monsieur William Joseph Grelo; made English by J. Philips. London: Printed by John Playford, 1683.*

одном из сподвижников-ансаров пророка Мухаммада по имени Абу Айюб аль-Ансари, который страстно желал помолиться в Святой Софии, главной базилике византийского императора⁴⁹. Ибн Джарир ат-Табари сообщает, что Абу Айюб аль-Ансари, будучи стариком, участвовал в осаде Константинополя. По преданию, накануне штурма города Айюб якобы договорился с тогдашним василевсом, что снимет осаду Константинополя войском омейядского халифа, если ему будет позволено помолиться в Свято-Софийском соборе. Решиться на эту дерзкую просьбу Абу Айюба побудило пророчество пророка Мухаммада, которое гласило, что когда-нибудь Святая София станет мечетью и что каждый, кто в ней совершит намаз, отправится в рай. Так, по преданию, Абу Айюб аль-Ансари стал первым мусульманином, сумевшим помолиться в церкви Святой Софии. Но, несмотря на данное обещание, арабское войско все же штурмовало (хотя и неудачно) осажденный Константинополь, в результате чего Айюб получил ранение, от которого позднее скончался в 52 г. по хиджре (674 г.). Став шахидом⁵⁰, или мучеником за веру, сподвижник пророка, по преданию, был похоронен неподалеку от стен Константинополя⁵¹.

Эта древняя легенда стала передаваться из уст в уста османскими воинами в ходе двухмесячного штурма Царьграда в 1453 г., и вскоре место погребения шахида Айюба было чудесным образом установлено и облагорожено, став объектом поклонения для готовившихся к штурму османских воинов. Во время осады Константинополя моги-

⁴⁹ Легенда не уточняет, ни когда была достигнута эта договоренность, ни имя римского императора, разрешившего арабскому воину ислама помолиться в христианской церкви Святой Софии. Можно лишь предположить, что это поверье следует отнести к первой неудавшейся осаде арабами Нового Рима в ходе войны между Арабским Халифатом и Византийской империей 674–678 гг. в правление василевса Константина IV (668–685 гг.).

⁵⁰ Шахид — (араб.) мученик за веру; человек, отдавший свою жизнь за Христа и его вероучение (в христианстве) либо во имя Аллаха (в исламе).

⁵¹ После завоевания Константинополя турками-османами над предполагаемой могилой Абу Айюба аль-Ансари были возведены мавзолей (тюрье) и одноименная мечеть. В настоящее время этот комплекс расположен в одном из самых крупных районов Стамбула, до сих пор носящий его имя — Эйюб, Эйюп, Эюп или Аййюб (*Karpat. Studies*. P. 312, 586, 702). В этой мечети хранился меч пророка Мухаммада, которым опоясывали всех османских султанов во время торжественного ритуала, соответствовавшего церемонии коронации европейских монархов. «...легендарная гробница стала святыней даже для греков-христиан, которые совершали паломничества к ней во время засухи, чтобы помолиться о дожде» (*Hitti Philip K. The History of the Arabs. From the Earliest Times to the Present. London, Tenth Edition, 1984. P. 201–202*).

ла исламского мученика укрепляла морально-боевой дух приходивших к ней солдат, вдохновляя на победу над «нечестивыми гяурами» и на воцарение в Константинополе власти ислама. Из этой легенды родилось новое поверье, будто бы одна молитва в соборе Святой Софии во сто крат сильнее намаза в любой другой мечети⁵². И никого уже не смущал тот факт, что молитва любого мусульманина в этой церкви будет иметь стократное превосходство над его же молитвой в любой другой мечети. Так происходила постепенная исламская сакрализация Софийской мечети, обраставшей невероятными мифами и легендами, которые в сознании мусульманского населения Османского государства со временем превращались в реальные исторические события.

Таким образом поступок католика Гийома-Жозефа Грело, сумевшего благодаря смекалке и хитрости проникнуть в запретную для «неверных» Софийскую мечеть, можно сравнить с мифологическим поступком Абу Айюба. Правда, в отличие от сомнительного «договора» легендарного арабского сподвижника пророка с византийским императором, сделка «Айюба-католика» со служителями мечети носила вполне материальный характер, равно как и его проход в исламскую «святая святых», в результате чего впервые в истории на свет появилось подробное иллюстрированное описание Свято-Софийского собора.

Преподнесенная Г.-Ж. Грело в дар Людовику XIV книга вскоре стала бестселлером благодаря живому участию короля французов в ее популяризации. Несмотря на то, что ее автор допускает в своем сочинении ряд исторических неточностей, ошибочных толкований и даже художественного «волюнтаризма» (как в случае дорисовки не существующей пары серафимов на западных парусах), следует признать, что его книга стала воистину открытием Святой Софии не только для королевского двора и Франции, но и для всей Европы.

В своем посвящении французскому монарху Людовику XIV автор в традиционных для таких случаев верноподданнических выражениях преподносит королю свой труд с серией рисунков, собственноручно выполненных им во время странствия. Он весьма тонко и с легким сарказмом напоминает монарху, что в отличие от тех, кого тот посылал на Восток и просил, помимо прочего, привезти описания Святой Софии, смогли привезти оттуда лишь «бриллианты и драгоценности» как средство своего обогащения. При этом Г.-Ж. Грело смог исполнить мечту

⁵² Rettenbacher. Hagia Sophia and the Third Space. P. 103.

короля без всякого на то поручения, что до него было не под силу осуществить никому из королевских посланцев. Таким образом рисунки в его книге оказались куда ценнее привозимых королем алмазов и драгоценных камней⁵³. Этот «скромный подарок» Г.-Ж. Грело монарху был по достоинству оценен Людовиком XIV, даровавшим его произведению свою королевскую привилегию для издания и распространения сроком на 20 лет.

Книга Г.-Ж. Грело сразу получила известность не только во Франции, но и во многих европейских странах, особенно при монарших дворах, пробудив живой интерес к Османской империи, ее столице и, конечно же, к ее духовному сердцу — Софии Константинопольской. Достаточно упомянуть, что за три года после первого издания «Новой реляции» Г.-Ж. Грело книга была переведена на английский, немецкий, итальянский языки. Автора сочинения даже стали считать продолжателем дела его соотечественника П. Жия. Европейские читатели в своих откликах на появление английского перевода Книги Грело («Последнее путешествие в Константинополь») не скупились на восторженные выражения по поводу изобретательности, находчивости и умения маскироваться среди иноверцев. Люди разных профессий, прочитавшие сочинение Г.-Ж. Грело, направляли в рубрику «Свидетельства известных путешественников по Восточным странам» свои восторженные отзывы при сравнении иллюстраций французского рисовальщика с местами, которые они видели своими глазами, свидетельствуя при этом, что его рисунки являются «точным» воспроизведением оригиналов⁵⁴.

«Новая реляция» Г.-Ж. Грело облетела все европейские дворы и столицы. Каждый монарх, по примеру французского короля Людовика XIV, признанного законодателя мод в Европе, мечтал иметь у себя такого же верного и бесстрашного подданного, как странствующий рисовальщик Г.-Ж. Грело, готовый рискнуть жизнью ради своего правителя, дабы исполнить его высочайшую волю.

Эту мечту сумеет через 30 лет осуществить бежавший в Османскую империю от царя Петра I король Швеции Карл XII и получивший от султана Ахмеда III статус «гостя падишаха». Король, по примеру Людо-

⁵³ Грело здесь имеет в виду своего предшественника Ж.-Б. Тавернье, который по возвращении из Индии в 1668 г. продал (а не подарил) королю Людовику XIV знаменитый голубой бриллиант.

⁵⁴ Wilson. The Itinerant Artist and the Islamic Urban Prospect: Guillaume-Joseph Grélot's Self-portraits in Ambrosio Bembo's «Travel Journal». P. 177.

вика XIV, командировал военного инженера Корнелиуса Лооса в провинции Османской империи с поручением рисовать всевозможные любопытные и удивительные места, включая Константинополь и Софийскую мечеть. Этот приказ были исполнен в 1711 г., за что король даровал К. Лоосу дворянский титул⁵⁵. С уцелевшими после пожара рисунками выпровоженный под конвоем за пределы Османской империи августейший «гость султана» не расставался до тех пор, пока не доставил их в свой королевский дворец в Стокгольме⁵⁶.

Список литературы / References

1. Виноградов А.Ю., Захарова А.В., Черноглазов Д.А. *Храм Святой Софии Константинопольской в свете византийских источников*. СПб.: Пушкинский Дом, 2018. С. 21.
Vinogradov A.Yu., Zakharova A.V., Chernoglazov D.A. *The Church of St. Sophia of Constantinople in the light of Byzantine sources*. St. Petersburg: Pushkinskiy Dom, 2018. P. 21 (in Russ.).
2. Кондаков Н.П. *Византийские церкви и памятники Константинополя*. М.: Индрик, 2006. С. 135.
Kondakov N.P. *Byzantine churches and monuments of Constantinople*. Moscow: Indrik, 2006. P. 135 (in Russ.).
3. Hitti P.K. *The history of the Arabs. From the Earliest times to the present*. 10th ed. London: MacMillan, 1984. P. 202–203.
4. Çetinaslan M. Hünkâr Mahfillerinin Ortaya Çıkışı, Gelişimi ve Osmanlı Dönemi Örnekleri. *Selçuk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*. 2013;(29):61–74.
Çetinaslan M. The emergence, development of Hünkâr Mahfils and its samples in Ottoman Empire. *Journal of the Institute of Social Sciences of Selcuk University*. 2013;(29):61–74 (in Turk.).

⁵⁵ Из 250 рисунков Лооса (которые король бережно хранил под своей кроватью) уцелело лишь 49 после пожара и штурма лагеря Карла османским войском в 1713 г., получившего название «калабалык». В результате король был арестован и год спустя выдворен за пределы Османской империи.

⁵⁶ *Adahl Karin (ed). Cornelius Loos in the Ottoman world. Drawings for the King of Sweeden, 1710–1711. Cornelius Loos: Panoramas & map. Svenska Forskningsinstitutet i Istanbul. Swedish Research Institute in Istanbul. 2019.*

5. Semavi Eyice. Ayasofya. *TDV İslâm Ansiklopedisi 'nin*. İstanbul, 1991. C. 208. URL: <https://www.islamansiklopedisi.org.tr/ayasofya?ysclid=l97l4ge6z3618721162> (Date of access: 19.03.2023).
Semavi Eyice. Hagia Sophia. *TDV Islamic Encyclopedia*. Vol. 4. İstanbul, 1991. P. 208. URL: <https://www.islamansiklopedisi.org.tr/ayasofya> (Date of access: 19.03.2023) (in Turk.).
6. Rettenbacher S. Hagia Sophia and the third space: An enquiry into the discursive construction of religious sites, in: Winkler U., Rodríguez Fernández L., Leirvik O. *Contested spaces, common ground: Space and power structures in contemporary multireligious societies*. Boston: Brill/Rodopi, 2017. 382 p.
7. Wilson B. The Itinerant Artist and the Islamic Urban Prospect: Guillaume-Joseph Grélot's Self-portraits in Ambrosio Bembo's «Travel Journal» *Artibus et Historiae*. Vol. 38. No. 76. Studies in Renaissance Art and Culture in Honour of Debra Pincus (2017). P. 157–180. Published by: IRSA. *Artibus et Historiae (Studies in Renaissance Art and Culture in Honour of Debra Pincus)*. 2017;38(76):157–180. URL: <https://www.jstor.org/stable/44973098> (Date of access: 19.03.2023).

Якушев Михаил Ильич
Mikhail I. Yakushev

Кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Института
востоковедения РАН, Москва,
Российская Федерация.
e-mail: mikhail.yakushev@tsgg.ru

Ph.D. in History, Senior Research Fellow at
the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russian
Federation.
e-mail: mikhail.yakushev@tsgg.ru

Поступила в редакцию
Received
15.01.2025

Принята к публикации
Accepted
15.04.2025